

Сторожение

Автор:

[Сергей Носов](#)

Сторожение

Сергей Анатольевич Носов

Известный прозаик и драматург Сергей Носов собрал свою первую поэтическую книгу. Таким образом подтверждается слух, давно бытующий среди литературной общественности Петербурга: Сергей Носов – действительно незаурядный поэт. Часть стихотворений, вошедших в этот сборник, ранее публиковалась в журналах и антологиях («Поздние петербуржцы», «Формация» и др.), однако не менее половины состава книги выходит в свет впервые.

Сергей Носов

Сторожение

I

«Человечество ещё не всё доело...»

Человечество ещё не всё доело,

а уже самому себе надоело.

Впрочем, нам ли обсуждать человечество
и его возможности расчеловечиваться.

Не царей, – попрошу, – и не шоуменов,
не шагающих строем к плечу плечом,
Господи, пожалей бушменов,
не виноватых ни в чём.

«Вдоль Введенки, вдоль Введенки...»

Вдоль Введенки, вдоль Введенки,
где топорщится земля,
где поставленные к стенке
костенеют тополя,
шел, тоскуя по нетленке,
не имея ни рубля.

Вдоль по Екатерингофке,
где такая же земля,
шел вдоль берега, по бровке,
башмаками не пыля:
жили божие коровки,
шевелились тополя.

Вдоль по речке Монастырке,

есть такая в СПб,
шел я с мыслями о дырке
неопознанной в судьбе.
И другие заковырки
вспоминались при ходьбе.

«Слушай дедушку, мой мальчик....»

Слушай дедушку, мой мальчик.

Жизнь, она такая жесть.

Разогни-ка средний пальчик.

Это очень сильный жест.

Станешь, может, олигархом,

может, будешь раздолбай.

Все земное кончит прахом.

Тренируйся – разгибай.

Без песен

Возле тумбы стояла компания неопрятных молодых

людей

один самозабвенно тренькал на гитаре

и омерзительно блял

думая что поет

а его подруга
тоже думая что он поет
и что эта песнь достойна вознаграждения
приставала к прохожим с протянутой шапкой.

К нам тоже метнулась
но сразу отступила
прочтя
в пепельно-серых глазах:

молодость!
где твой Кастальский ключ?
где вдохновенье твое
твое мастерство
твое бескорыстье?

Не подаем!

Мы ведь тоже знаем четыре аккорда
и можем потренировать не хуже
но почему же мы
ни при каких обстоятельствах
никогда
себе не позволим
скромное свое умение кому-нибудь навязать —
тем паче за мзду!?
Если допустить невозможное и нас представить

за клянчением денег

(по роковой допустим нужде

или

что допустимее

под угрозой четвертования)

это будут

нищие

нищие

нищие

в рубище и без сапог

смиранные мы

севшие по-честному на грязный асфальт

и положившие перед собой

мятую кепку —

но без гитары!

без песен!

Памятник Петру I в Петропавловской крепости

Сидячий сиднем, гладкий и бесполой,

он дум не полн великих – ибо полый.

И сны ему державные не снятся.

Туристы многие желают рядом сняться.

Французы, англичане, нидерландцы,
новозеландцы, шведы и посланцы
своей же Федерации субъектов,
а также неопознанных объектов.

Вот, говорят, что вроде не пристало,
но ничего: сидит без пьедестала.

Иные залезают на колени,
а он молчит и терпит, как полено.

Как хочется, как хочется потрогать
лицо его, похожее на ноготь!

Поскольку монументы не кусаются,
иные, в самом деле, прикасаются.

Персонаж

– Когда я вижу беспорядок,
не до трудов мне, не до blyadok,
не до еды и питья
среди символов небытия.

Да мне начхать – ты Таня ль, Катя ль!

Я, может, Тайный Покупатель,
запечатляющий в отчёт
недополученный почёт!

Да ты должна пред мной лучиться

улыбкой, злая продавщица!

Сгибать услужливо хребет,

гребет тебя иль не гребет!

Я тут не ради капучино!

Перед тобой стоит мужчина!

Мысль заученную изложь —

сам отличу от правды ложь!

Теперь себе: – Хорош, хорош.

Зашел в кафе «Последний путь»,

приняв на кладбище на грудь.

Все обойдется как-нибудь.

Сто пятьдесят «Столичной».

Будь.

Город

Вставная челюсть

лежит на асфальте

Ее клюет воробей.

Сказ о Каплан

(быль)

Сыро и холодно в мире.

Лег над Россией туман.

Ходит Каплан по Сибири.

Ленин простил Каплан.

«Жить тебе долго-долго,
думать всегда одно,
даже когда "Волга-Волга"
будет идти в кино».

Сыро и холодно в мире.

Ленин в гробу лежит.

Ходит Каплан по Сибири.

Ходит, как Вечный Жид.

Нет неприкаянной места,
дышится невмоготу.

Люди достойные честно
хлеб добывают в поту.

Женщину в черной косынке
видели эту не раз —
где-то явилась на рынке,
где-то зашла в лабаз.

Лицо у ней отражало

такую большую вину
что только оно выражало
мысль на себе одну:

«Как я пошла на такое?
Встала на пагубный путь.
Нет на земле мне покоя.
Будь же я проклята, будь.

Вить же мне волком, волком.
Думать всегда одно.
Даже когда "Волга-Волга"
радует всех в кино».

Как-то приходит Ягода
к Сталину и говорит:
– Жив еще враг народа,
душа у меня болит.

Сталин ему не ответил.
Приходит тогда Ежов.
Взгляд его прям и светел.
Он говорит:

– Ужо
виться, гадюке, виться!
Хватит наймитке жить.

Ежовы

мои

рукавицы

готовы

ее

задушить!

Сталин и тут не ответил.

Сталин молчит и тут.

Берия тогда приходит,

готовый на скорый суд.

- Позвольте, товарищ Сталин,

я быстро ее скручу.

- Нет, - отвечает Сталин, —

я слово дал Ильичу.

«Всё раздражало...»

Всё раздражало

но более всего —

манекены.

Стали с некоторых пор манекены бесить.

Безголовые например —

когда мода на безголовых пошла.

Но и с головами бесили —

независимо от фактуры лица.

Гладколицы

без глаз и ушей

без носа и рта

у которых голова как яйцо страусиное

или с небывалыми харями инопланетных

пришельцев

или например с нарочитыми искажениями

пропорций человеческого лица —

всех мастей микро- и макроцефалы

или напротив —

исполненные в крайне гиперреалистической

манере

когда видны и морщины на лбу

и ямочка на подбородке

и когда перепутать легко эту нелюдь

с продавцом-консультантом.

Раньше были они не такими

раньше были они без претензий.

Вот за что их —

за то

за претензию!

Глядя на манекен нельзя не думать о человеке.

Можно ли глядя на манекен

не потерять веру в род человеческий

ибо не по подобию ли человека

сотворен манекен?

Вспомнилось как по ящику некто объяснял

основным свойством всех манекенов

а именно их способностью всегда

функциональными быть

их же

даже раздетых

асексуальность.

То есть манекен в принципе ни на что не готов

провоцировать человека

(кроме как на покупку).

Но во-первых

что такое функциональность —

может быть и такие

для кого основная функция манекена

вовсе и не быть обязательно вешалкой

а во-вторых

вот наш личный пример:

если по мысли того телевизионного умника

не способен манекен вызывать сильных эмоций

отчего же так хочется

дать манекену по морде?

Не любому допустим

не каждому
а хотя бы конкретно вот этому —
что стоит в бордовой футболке и клубном шелковом
пиджаке
и у которого даже ресницы имеются
а взгляд
едва ль не осмысленный
или хуже:
едва ль не идейный?
Сжал кулаки
но сдержался
не дал манекену по морде.
Отошел.
Вышел на улицу, ничего не купив.

Дневниковое

Бен Ладан-то Усана вам
Опять, поди, привиделся.
А мы идем с Крусановым,
и день хороший выдался.

14.09.10 - пятница

«Иногда профессор Аверин...»

Иногда профессор Аверин берет меня на природу.

Хорошо, когда нет дождя и нежарко.

Мы обычно идем с ним в лес по Петергофскому водоводу.

Старо-Петергофский канал – дальше река

Шингарка.

В этот раз мы – во! – припозднились-то оба как!

Из меня предсказатель погоды – хуже валенка.

– Это что, Борис Валентинович, за страшное облако?

– Cumulonimbus, – он говорит. – Там еще наверху наковаленка.

Будет буря с грозой. Польет как из бочки.

Все к тому, что нам вряд ли помогут накидки.

Предлагаю, говорит, переждать непогоду на этой кочке.

Сели мы, значит, на кочку и достали напитки.

Стал Борис Валентинович говорить про Набокова, стал рассказывать мне о трансцендентальном.

И хотя мои мысли блуждали около, был и я сопричастен глубоким тайнам.

Между тем уже час как хляби отверзлись,

твердь от грома дрожала под черною тучею,
потому как природе наша трезвость-нетрезвость
глубоко безразлична, что известно по Тютчеву.

И казалось, что не будет никогда больше солнышка.

И земля на глазах становилась как тесто.

А Борис Валентинович, отпив из горлышка,
о понимании говорил и неполноте контекста.

Петергофский водовод шумел, как Арагва.

Разлеталось пространство от молний на части.

Что бы делал я дома? Писал параграф?

А Борис Валентинович говорил о счастье.

В смысле холода все-таки тут не полюс —
я зубами, тут сидя, еще поскрипел бы.

Только смыло ведь кочку, и пошли мы по пояс —
по колено в воде, когда без гипербол.

Шел вперед Борис Валентинович, глядя в небо
кипучее.

На ветру мне размахивалось почему-то руками.

Надо думать, мы думали о судьбе, о понимании,
о пределах величия случая

и о том, что мы все – под облаками.

Из семейной хроники

Жена у меня – ничего, но есть у нее замашки;

например, она, странным образом, любит

обращаться в сову:

бывало, сидим за столом – руками она как замашет!

«Увффф! – говорит. – Увффф!» А потом говорит:

«Вффу, вффу!»

– и в дверь. Или в окно. Она такая.

Сейчас,

когда я задумался над этой строчкой

(а теперь над этой),

она, небось,

летает над районным центром Опочкой.

Над старинным Валом, нал городской читальней,

над кафе «Плельменная» моя жена летает...

Опочане спят в своих опочивальнях,

и никто из них об этом ничего не знает.

(А еще она обращается иногда в кошку

если от меня что-нибудь надо,

и получает свое понемножку

и вот уже ей ничего и не надо...)

Поглядит в окно на небо – там звезды,

Млечный Путь, там галактики;

поглядит-поглядит, говорю, и пырх в окно

или в дверь – вот вам и шуры-муры!

А днем, как ни в чем не бывало,

в соответствии с планом дипломной практики

поднимает в опочечком клубе культуру.

Черт меня жениться попутал на такой

с басурманским именем!

И друзья, как назло, разъехались – кто в Москву

кто к себе в Кострому...

Жизнь – феномен прелюбопытнейший, не так ли?

Вот именно.

Худо быть одному.

1984

Воспоминания о нулевом, дополнительном

В направлении на Себеж,

в нулевом вагоне, иш! —

ты все едешь, едешь, едешь,

едешь, в тамбуре стоишь.

В нулевом вагоне место
в обстановке боевой
обретают штурмом честно,
потому что – нулевой.

Толчея в лихом вагоне
такова, что контролер
не пройдет и не прогонит,
хоть матер он и хитер.

Трое их, впихнувшись в тамбур,
контролеров, говорят,
как бы взять бы тех бы там бы, —
их фонарики горят.

Щас дадут все трое деру —
жить охота контролеру!

В нулевом вагоне клятом
не позволит превозмочь
севший в зад аккумулятор
слабым светом эту ночь.

В нулевом вагоне тело
отрешается от дела, —
едем, едем и не ропщем,
мысли – в целом и об общем.

Жизнь – не точка болевая,
не веревка бельевая,
не картинка по пути
с невозможностью сойти.

Не сгущающийся сумрак.
И не кот в одной из сумок.
Не начальник волевой.
И не номер нулевой.

Вот четыре поколения
пассажирских единиц
не желают обнуленья
тел своих – точнее, лиц.

А желают попаданья
в тему целеполаганья.

В голове бессонно месишь
это с тем, а с этим то,
подколесный слыша месседж:
тра-та, та-та, конь в пальто!

Я запомнил путь на Себеж
в нулевом вагоне. Иш,
едешь все и не приедешь,
едешь, в тамбуре стоишь.

Провинциальное

В больнице железнодорожной
сегодня музыка играет,
и шум вагонов односложный
ее ничуть не заглушает.

Больных выводят понемногу
по одному; они, вдыхая
холодный воздух, на дорогу
глядят – на праздник Первомая.

А за оградой и канавой
шагают дружно демонстранты
с веселой музыкой и славой
труду на ярких транспарантах.

И воробьи считают крошки
возле лотка, и ветер кружит
зеленый шарик, и сапожки
себе медсестры моют в лужах...

В больнице железнодорожной
сегодня праздник, и не худо
на белом свете жить – возможно,
сегодня даже танцы будут.

Как хорошо оно кружиться
в своих пижамах и халатах
и утомленными ложиться,
сказав соседям по палатам

спокойной ночи, и не помнить
ни о режимах, ни о дозах...
...Ну а пока что майский полдень;
идет колона леспромхоза.

Все эти тракторы стальные...
И пионеры – дружно маршем.
Встают на цыпочки больные.
Кто веселей – руками машет.

1982

Гостиница

В этой старой гостинице тихо, спокойно, дешевая
койка.
Только двери скрипят, да еще целый день с
мухобойкой
ходит ключница, бродит хозяйка-старуха, и глухо
бьет она по стене, истребляя за мухою муху.

Кроме мух и меня, в этом доме живут тараканы.

А на кухне хранятся в шкафу, между прочим,
стаканы,
вилки, ложки, ножи, и тарелки, и миски, и чтобы
веселее жилось – обязательно старенький штопор.

А за стенкой одна, как бы мне обозвать ее —
данность.

Когда шел мимо окон, взгляд царапнула странность.

Я сказал бы «к стыду моему», только где ж тут
бесстыдство,
в общем, глянул в окно, не уняв любопытство.

В общем, как бы сказать, – если были бы вёдра и
метлы,
вот такие предметы, а там, там – имущество
мёртвых:

громоздятся гробы вместо застланных коек,
и венков очень много там – ленты на коих.

Я спросил у хозяйки насчет этой, что ли,
мертвецкой.

Отвечала негромко старушка с улыбкою детской:
плохо если я сплю, то гостиница не виновата,
этот номер не их – это собственность военкомата.

Тут армейское всё, по уставу тут все, по ранжиру.
Без тапочек.

Тут приводит солдат, быть бы живу, за имуществом
прапорщик.

Говорит, не видала давно их. Сказать без увёрток,
хорошо, что сезон у них там – как в гостинице,
мёртвый.

А хозяйку зовут, я спросил как ее – Марья Глебовна.

А когда бы не я у нее, то была бы она не
востребована.

И у смерти на дальней войне тоже мертвый сезон,
тут дело простое —
у обеих у них свой у каждой резон в отношенье
простоя.

Ведь у каждого сезона есть свои преимущества,
и свои цветы, и свои резоны, и свое имущество.

Но какое сегодня число? Не в страну – в эту
странность

как меня принесло, где преданность – данность?

Как ей тут, Марье Глебовне, в межсезонье одной,
когда время не тает?

Где у смерти и где у нее почти выходной и где
витают

тени прежних приезжих – поевших, поспавших,
попивших,

и предвестники будущих павших, погибших?

Я и сам, посмотреть на меня – я поевший,

попивший, хотя не поспавший,

потому что сон у меня, не попишешь – пропавший.

Здесь дешевая койка, здесь тихо, спокойно,

только ходит она с мухобойкой, и случаются войны.

В коридоре стоит холодильник, и опять же – вот

тапочки.

Печь с дровами. Будильник. Кипятильник на

тумбочке.

Ну и что, Марья Глебовна, что в вашем мне имени?

Может здесь, Марья Глебовна, конец времени?

...Между тем, между тем. Там, в поселке гулянка,

гулянка. Мотивчик

популярный звучит. Не покажется проблематичным

счет бессонный до ста, до двухсот. А и верно – как

много

звезд в окне. И кусты. Ну так вот. И дорога,

шаги по дороге, дорога, дорога.

«Разлилось по небу млеко...»

Разлилось по небу млеко

миллиардами молекул,
миллионами лучей
солнце в дырочки прорвалось,
потому что там порвалось —
золотой потек ручей.

Насекомое, что было
умереть решило, в мыло
угодив – о звон в груди! —
чуть заминка – и покойник,
встрепенулось. Рукомойник
остаётся позади.

Ты засовывала шишку
в самовар, покуда крышку
я держал в руке одной,
а в другой – трубу кривую,
жестяную, дымовую,
заворожен тишиной.

Боже милостивый, боже,
жить прекрасно до чего же
среди этого – не дай
ветви яблони качнуться,
подожди, не дай очнуться,
дуновение, не тай!..

Стихи 1985-го

«А маски мы оставим в коридоре...»

А маски мы оставим в коридоре

на вешалке. И радости, и горе,

и всякие сомнения они

пусть выражают там. А мы с тобой одни,

и всё, и всё. И я люблю тебя.

Соседка, половицами скрипя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-nosov/storozhenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)